

А. Н. Веселовский

Этюды и характеристики

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
В38

В38 **Веселовский А.Н.**
Этюды и характеристики / А. Н. Веселовский – М.: Книга по Требованию, 2014. – 820 с.

ISBN 978-5-4241-7385-1

Издание 3-е, значительно дополненное.

ISBN 978-5-4241-7385-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

судъ за ироническіе отзывы о мистицизмѣ; когда же, бесѣдуя съ однимъ изъ товарищей-монаховъ, онъ неосторожно отозвался сочувственно объ арианствѣ и дѣло огласилось, назначено было строгое слѣдствіе. Поспѣшно скрывается онъ въ Римъ, но тамъ скоро нападаютъ на его слѣдъ; онъ принужденъ скитаться по сѣверной Италіи, на время останавливаясь въ Туринѣ, Венеціи, Падуѣ. Рано же взялъ онъ посохъ изгнанника! Но уже его томятъ сомнѣнія, жажда истины, презрѣніе къ суевѣрію, и онъ набросалъ первую свою книгу, *L'Arca di Noe*, изобразивъ въ ней человѣческое общество подъ видомъ разныхъ животныхъ въ ковчегѣ, предводимыхъ осломъ; то были его первыя наблюденія надъ «блаженною глупостью», *Santa Asinita*... Нигдѣ онъ не встрѣчаетъ ласковаго привѣта, нигдѣ не находитъ возможности основаться. Только въ генуэзскомъ городѣ Ноли (*Noli*) ему дали право свободнаго преподаванія, и онъ уже безконечно счастливъ, нѣсколько мѣсяцевъ подрядъ собираетъ толпы разнообразныхъ слушателей, краснорѣчиво и убѣдительно излагаетъ добытыя имъ научныя истины. Официально называлъ онъ читаемый имъ предметъ «Сферой», т.-е астрономіей, но подъ ея покровомъ охватывалъ широкій кругъ знаній. Онъ одинъ изъ ревностныхъ поклонниковъ теоріи Коперника, котораго называетъ вторымъ Колумбомъ, смѣло пробившимъ себѣ путь къ лебу сквозь преграды старой планетной системы, вездѣ проповѣдуетъ и защищаетъ ее, торжествуя крушеніе схоластическихъ представленій о мировомъ устройствѣ, освященныхъ авторитетомъ Аристотеля и Птолемея. Одного этого заступничества за опасную теорію, отнимавшую у земли ея первостепенное, центральное значеніе и разстроившую гармонию цѣлой сѣти набожныхъ легендъ, достаточно было бы, чтобъ обличить въ Бруно еретика. Не за то ли пострадалъ вскорѣ Галилей? Но молодой философъ не ограничился сочувственнымъ изложеніемъ чужого открытія; оно послужило для него основой для дальнѣйшихъ построеній. Фантазія его заработала. «Довѣрившись надежнымъ крыльямъ, онъ бросился въ безконечныя пространства, разсѣкая воздухъ и проникая въ другіе міры»; онъ горячо доказывалъ существованіе множества этихъ обитаемыхъ міровъ; ему грезилась жизнь и проблески сознанія вездѣ; душевныя движенія отгадывалъ онъ на самыхъ низшихъ ступеняхъ царства природы; эти представленія слагались въ грандіозный пантеистическій догматъ о «мировой душѣ», о сліянiи и тождествѣ божества и природы, и передъ этой свободной общечеловѣческой религіей блѣднѣли и казались ничтожными всѣ положительныя церковныя религіи. Его философія принимала часто поэтическій характеръ,—иначе и быть не могло: онъ убѣжденъ былъ, что истинный философъ не можетъ не быть поэтомъ.

Но на ряду съ этими ученіями его по временамъ привлекала и таинственная мудрость, приподнимавшая завѣсу надъ многими загадками бытія. Всегда осмѣивавшій алхімію, онъ не могъ противостоятъ искушенію, которому поддавали многіе сильные умы его времени, втайнѣ не перестававшіе интересоваться магіей. Только вспомнивъ это, мы поймемъ, какъ онъ могъ серьезно увлекаться устарѣлыми твореніями Раймунда Люллія, который не только научалъ искусству развивать память, но механически, переводя основныя идеи въ алгебраическіе знаки и нанося ихъ на вращающіеся круги, брался научить, какъ выработывать новыя идеи и догадки,—пространно толковалъ о символикѣ человѣческихъ именъ и соответствующихъ имъ цифръ и т. д., основываясь главнымъ образомъ на еврейской и арабской мудрости. Быть-можетъ, Бруно привлекла своей неутомимой и безбоязненной энергіей сама личность Люллія, до глубокой старости не перестававшаго проповѣдывать и умершаго мученикомъ. Быть-можетъ, его поразили въ твореніяхъ предшественника проблески пантеизма. Мы имѣемъ любопытное доказательство живого интереса Бруно къ люлліевой наукѣ: Московскій Румянцевскій музей хранитъ въ числѣ своихъ рѣдкостей рукописную книгу трактатовъ нашего ученаго (случайно пріобрѣтенную Норовымъ) съ нѣсколькими листками собственноручной черновой работы Бруно; глядя на эти листки, чувствуешь какъ бы присутствіе его, видишь его въ минуту размышленія заносащимъ на бумагу бѣглыми фразами свои мысли, которыя иногда уступаютъ мѣсто написанному на поляхъ возгласу или небольшому итальянскому стихотворенію. И что же?—Главное содержаніе тетради составляютъ разсужденія о магіи, о духахъ-покровителяхъ, о «люлліевой медицинѣ».

Но не на этомъ зиждется великое значеніе Бруно, какъ мыслителя. Это небольшая дань увлеченіямъ его времени, и съ годами, овладѣвая истинной наукой (особенно въ Англіи), онъ охладѣлъ къ этимъ вкусамъ своей молодости. Стремленіе найти убѣжище, гдѣ онъ могъ бы свободно проповѣдывать свое ученіе, увлекло его по ту сторону Альпъ. Послѣ недолгой остановки въ Женевѣ мы видимъ его во Франціи. Въ Тулузѣ, чей университетъ считался вторымъ въ странѣ и собиралъ до 10.000 студентовъ, открываетъ онъ курсъ философіи природы, устраиваетъ диспуты съ защитниками старыхъ воззрѣній и побѣдоносно разбиваетъ ихъ. Въ немъ вырабатываются способности оратора и искуснаго спорщика; ему нужна людная аудиторія; въ немъ воплотился столь отличающій пору Возрожденія типъ «свободнаго профессора» (*libre professeur*), не принадлежащаго ни къ какой корпораціи, переѣзжающаго изъ одного умственнаго центра въ другой, разнося свои ученія по всему свѣту. Для Бруно настала пора постояннаго скитанія. Въ одномъ сти-

хотвореніи онъ сравниваетъ такихъ искателей и распространителей истины съ смѣлымъ пловцомъ, который пускается въ открытое море на утлой лодкѣ, не страшась опасностей; волны могутъ поглотить ее, вѣтеръ разорветъ парусъ на части,—а сколько опасностей на сушѣ! Непроходимыя горы, дремучіе лѣса, въ долинахъ людская злоба и неправда. Но все это не устрашаетъ путника; ему не жаль потерянной молодости, утраты богатства, бессонныхъ ночей. Его поддерживаетъ священный огонь героическаго энтузіазма, который Бруно прославилъ въ одномъ изъ лучшихъ своихъ произведеній, «*Egoici fugogì*», являясь самъ въ жизни нагляднымъ примѣромъ такихъ служителей идеи.

Слѣдующею послѣ Тулузы остановкой Бруно былъ Парижъ. Сорбонна, этотъ оплотъ схоластики, стояла на стражѣ, готовая искоренить малѣйшее проявленіе свободы мысли, но ея представителей, на ряду съ шарлатанами и алхимиками, онъ тогда же осмѣялъ въ своей (начатой еще въ Италіи) единственной комедіи *Il Candelaajo*, вспышкѣ юмора, необыкновенно оригинальной у глубоко серьезнаго мыслителя,—и пустоголовый педантъ *Manfugio* вошелъ въ кругъ замѣчательнѣйшихъ комическихъ типовъ. Опасность не помѣшала Бруно смѣло высказывать свои мнѣнія, сблизиться съ передовыми мыслителями, заручиться даже поддержкой Генриха III. Но истинный просторъ и отдыхъ нашелъ онъ только въ Англіи, благодаря гуманному покровительству друга своего, французскаго посла. Здѣсь подъ вліяніемъ большей жизненной свободы онъ впервые созналъ себя полноправнымъ, рѣчь его стала мужественнѣе, чѣмъ когда-либо. «Онъ сталъ называть обманъ обманомъ, притворство притворствомъ, сталъ считать философовъ философами, педантовъ педантами, шарлатановъ, скомороховъ, акробатовъ тѣмъ, что они представляютъ собой на дѣлѣ». Волновавшія его *Тѣни идей* (такъ назвалъ онъ одну изъ своихъ книгъ, *De umbris idearum*) воплощались, научныя занятія стали глубже; здѣсь созрѣли лучшія его произведенія философскія и сатирическія (въ Англіи издано было семь его книгъ). Въ «Изгнаніи торжествующаго звѣря» (*Spaccio della bestia trionfante*), въ этой, по выраженію Берти, поэмѣ въ аріостовскомъ вкусѣ, раньше Лессингова *Натана* и широко развивая мысль Боккаччевой притчи о кольцахъ, онъ отъ критическаго разбора существующихъ исповѣданій восходитъ къ царству истины, и въ аллегорическомъ образѣ «торжествующаго звѣря» воплощаетъ безграничное и неистощимое людское суевѣріе; въ *Кабалѣ Пегаса* громитъ господствующее евѣжество и педантизмъ; въ «*Egoici fugogì*» возвеличиваетъ подвигъ свободнаго мыслителя, а въ книгѣ «*De l'infinito universo et mundi*» излагаетъ пространнѣе чѣмъ когда-либо свое ученіе. Въ Оксфордѣ онъ собиралъ массы

студентовъ, объясняя свою теорію о превращеніяхъ видовъ въ природѣ. Въ развитыхъ кружкахъ, группировавшихся около двора Елизаветы, онъ встрѣтилъ искреннихъ цѣнителей, и друзей, вродѣ ученаго итальянца Флоріо, переводившаго «Опыты» Монтая, Филиппа Сиднея, Гревилля ¹⁾. Наконецъ въ семьѣ своего гостепріимнаго хозяина онъ отдыхалъ душой; въ женѣ его и особенно въ маленькой дочкѣ Бруно готовъ былъ видѣть неземныя созданія. Когда дѣвочка пѣла и играла на музыкальномъ инструментѣ, онъ спрашивалъ себя: не ангелъ ли сошелъ къ нему съ неба? Потребность въ привязанности и семейномъ счастьѣ оказывалась въ такія минуты. Много любившій и страстно увлекавшійся въ молодости, Бруно давно подавилъ въ себѣ эти влеченія; предметомъ его культа отнынѣ стала *Софія*, мудрость, и этой возлюбленной онъ служилъ нелицемѣрно. Одно изъ стихотвореній въ московской рукописи обнаруживаетъ въ немъ этотъ постоянный разладъ страсти и высшихъ стремленій: «я ношу высоко знамя любви,—говоритъ онъ,—но я оледенилъ въ себѣ надежды и желанія. Когда въ сердцѣ моемъ сверкаютъ искры, на глазахъ навертываются слезы; я тревожусь и замираю, рвусь впередъ, сіяя радостью, и оглашаю небесный сводъ отчаянными возгласами».

Но двухлѣтнее лондонское затишье оборвалось внезапно. Посолъ былъ отозванъ, съ нимъ покинулъ Англію и Бруно; онъ возобновилъ было въ Парижѣ свои чтенія, но, вынужденный наставшими междуособіями оставить французскую столицу, направилъ на этотъ разъ свой путь въ другую сторону. Германія привлекала его своей оживленной умственной жизнью; онъ перебивалъ во всѣхъ главныхъ университетскихъ центрахъ,—Марбургъ, Виттенбергъ, Гельмштетъ, наконецъ Прагъ, также причислявшейся тогда къ нѣмецкимъ культурнымъ пунктамъ. Счастье и теперь не всегда улыбалось ему. Только въ Виттенбергѣ, не утратившемъ со временъ Лютера важнаго значенія въ наукѣ и церкви, его встрѣтили съ полнымъ радушіемъ, и отзывчивый Бруно отвѣтилъ на этотъ пріемъ горячими похвалами. Но и тутъ судьба не могла долго щадить его: послѣ двухлѣтней дѣятельности, доставившей ему большую популярность, настаютъ невзгоды; въ гостепріимномъ университетѣ беретъ верхъ противоположная партія, и Джордано прину-

¹⁾ Слѣды вліянія Бруно на англійскую литературу его времени долго были замѣтны. Ихъ находили у Шекспира, особенно въ „Гамлетѣ“ (заимствованія изъ діалога Бруно „La cena de le cenere“ и изъ посвященія его комедіи „Il Candelajo“). Въ новѣйшее время общеніе Бруно съ выдающимися дѣятелями елизаветинской эпохи характеризовано было въ книгѣ Lewis Einstein, *The italian renaissance in England*. New York, 1902. Изъ выдающихся писателей новѣйшаго времени вліяніе идей Бруно прослѣжено у Гёте (Giord. Bruno's Einfluss auf Göthe, статья Брунгофера въ VII т. *Göthe-Jahrbuch*, 1886).

жденъ опять взять свой посохъ. Наконецъ мы видимъ его, усталого и больного, во Франкфуртѣ, корректоромъ въ одной изъ лучшихъ типографій. На знаменитыя нѣкогда франкфуртскія ярмарки съѣзжалась со всей Европы разнообразная публика, въ томъ числѣ много итальянцевъ, въ особенности книгопродавцевъ. Бруно и тутъ ищетъ повода къ преніямъ и научнымъ бесѣдамъ, приготовляетъ къ печати новыя произведенія. По словамъ очевидцевъ, онъ вѣчно или за книгами, или ходитъ одиноко и строитъ химеры. Среди этихъ занятій его неожиданно и пріятно поразилъ призывъ повидать еще разъ родину: молодой представитель стариннаго венеціанскаго рода Мочениго, выставившаго изъ своихъ рядовъ семерыхъ дожей, поручилъ ѣхавшему во Франкфуртъ книгопродавцу передать Бруно о своемъ поклоненіи его мудрости, о желаніи видѣть его лично въ Венеціи и пользоваться его уроками.

Можетъ показаться поспѣшною готовность философа отозваться на предложеніе неизвѣстнаго ему магната, но какъ понятно радостное волненіе въ человѣкѣ, такъ любившемъ родину, утомленномъ десятилѣтнимъ изгнаніемъ и внезапно увидѣвшемъ возможность хоть не надолго побывать въ своей землѣ! Къ тому же опасенія гоненій и суда устранились увѣренностью, что могущественная семья Мочениго сумѣетъ отстоять его неприкосновенность. Это роковое совпаденіе обстоятельствъ ускорило развязку несчастной жизни Бруно. Прибывъ въ Венецію, онъ скоро созналъ свою ошибку.

Въ Мочениго онъ увидалъ скучающаго, недалекаго и трусливаго патриція, который увлекался лишь слухами объ искусствѣ, съ которымъ Бруно преподаетъ «Люллиеву науку», главнымъ образомъ способы развитія памяти. Широта взглядовъ учителя, довѣрчиво высказывавшаго ихъ, поразила и испугала молодого человѣка; завязанныя Бруно связи съ венеціанскими вольнодумцами, вродѣ Морозини или Сарпи, были неприяты юношѣ; критика современной догматики и восторженные мечтанія о просвѣтленной, «естественной» религіи показались ему вредною ересью. Между учителемъ и ученикомъ начались частыя размолвки; Бруно уже собирался назадъ, во Франкфуртъ, гдѣ ему такъ хорошо жилось, но Мочениго, на этотъ разъ поддавшись настойчивому вмѣшательству своего духовника, рѣшилъ выдать Бруно въ руки венеціанской инквизиціи. Ночью, опираясь на помощь шести гондольеровъ съ ближайшей стоянки, онъ захватилъ его въ постели, продержалъ сначала подъ домашнимъ арестомъ, а потомъ, составивъ доносъ, полный нечѣстныхъ обвиненій, прямо противорѣчившихъ всѣмъ убѣжденіямъ Бруно, передалъ его тайному судилищу инквизиціи, въ которомъ немалую роль играли такъ называемые *savii all'eresia*, специально наблюдавшіе надъ искорененіемъ ересей.

Начался «венеціанскій процессъ», всѣ акты котораго дошли до насъ. Бруно спокойно излагалъ передъ судьями свои убѣжденія, какъ будто и теперь передъ нимъ была парижская или оксфордская аудиторія, а не отцы инквизиторы; вызванные свидѣтели,—типографщики, знавшіе его изъ Франкфурта, и нѣсколько образованныхъ венеціанцевъ, съ которыми онъ успѣлъ сойтись,—дали самыя сочувственныя показанія; можно было надѣяться на благопріятный исходъ, и Бруно, поддавшійся крайнему душевному утомленію, дошелъ даже ненадолго до роли просителя: если оставить ему жизнь, онъ обѣщалъ измѣниться и исправить многое въ своихъ сочиненіяхъ. Но это была мимолетная слабость, внушенная, какъ и у Галилея, чувствомъ самосохраненія. Да и она была бесполезна: о задержаніи Бруно провѣдали въ Римѣ, обрадовались захвату такого «ересіарха» и потребовали его присылки въ папскую столицу. Слабыя возраженія Венеціи, ссылавшейся на свои державныя права, не помогли: изъ Рима отвѣчали, что преступленія такого неслыханнаго врага религіи подсудны лишь верховному вождю церкви. Съ той минуты, когда Бруно вступилъ на барку, отвозившую его въ Анкону, его участь была рѣшена. Судьи римскіе превзошли изувѣрствомъ болѣе благодушныхъ венеціанскихъ инквизиторовъ, и во главѣ ихъ стоялъ кардиналъ Сантасеверина, могуществомъ превышавшій самого папу Климента, мрачный фанатикъ, считавшій Варееоломеевскую ночь свѣтлымъ праздникомъ церкви,—что ему значило послѣ этого сжить со свѣту какого-нибудь презрѣннаго еретика!

Новый процессъ затянулся на семь мучительныхъ лѣтъ (1593—1600); судьи какъ будто наслаждались возможностью медленно истерзать свою жертву. Къ сожалѣнію, мы мало знаемъ подробностей объ этомъ времени жизни Бруно; только послѣднія засѣданія суда стали нѣсколько болѣе извѣстны, благодаря открытію документовъ тюбингенскимъ профессоромъ Зигвартомъ. Бруно замкнулся окончательно въ себѣ; его твердые отвѣты, полные достоинства, раздражали судей; чѣмъ дольше его держали въ темницѣ, тѣмъ крѣпче закалялась его стойкость; «я не обязанъ и не хочу брать чего-либо назадъ, и нѣтъ у меня повода къ тому», гордо отвѣчалъ онъ судьямъ за годъ до казни, и написалъ папѣ смѣлое защитительное посланіе. Послѣ перерывовъ снова возобновлялись допросы, быть-можетъ и пытки; всю душу истерзали они у несчастнаго. Онъ давно свыкся съ мыслью о казни; «тотъ, кто страшится за свое тѣло,—говорилъ онъ еще въ Лондонѣ,—не можетъ чувствовать единенія съ Богомъ; вполне счастливъ лишь тотъ мудрый и добродѣтельный человѣкъ, который способенъ даже не почувствовать боли». Закончивъ процессъ, дали подсудимому сорокъ дней, чтобъ онъ могъ «одуматься и отречься»; но послѣ этого срока онъ гордо

заявилъ, что не знаетъ за собой никакой вины и ни отъ чего отречься не хочетъ. Отъ него не скрыли, что его ждетъ именно смерть на кострѣ; въ протоколѣ записанъ его отвѣтъ: «умираю мученикомъ добровольно, но душа моя вмѣстѣ съ дымомъ костра вознесется въ рай». На эту сатанинскую гордость отвѣтили чтеніемъ приговора; когда дочитали его до конца, Бруно произнесъ послѣднія дошедшія до насъ слова: «вы проявляете больше страха, произнося свой приговоръ, чѣмъ я, выслушивая его». 17 февраля 1600 г. на площади Флоры (Campo di Fiore), противъ развалинъ театра, вѣкогда сооруженнаго Помпеемъ, устроенъ былъ большой костеръ ¹⁾; войско и масса народа окружали его; по словамъ очевидцевъ, костеръ мгновенно запылалъ, и, связанный по рукамъ и ногамъ, въ сильныхъ страданіяхъ погибъ мученикъ. Свой характеръ онъ выдержалъ до конца. Присутствовавшіе вспоминали, какъ другіе еретики, Гусъ, Серветъ, не могли воздержаться отъ криковъ, боли или стонувъ,—Бруно ни однимъ вздохомъ не выдалъ себя.

Дальность времени, чуждая національность и различіе въ цѣляхъ и задачахъ культуры двухъ вѣковъ, во многомъ столь противоположныхъ, не могутъ заслонить отъ насъ значенія такого мыслителя и удивительно стойкаго человѣка, какъ Бруно. На примѣрѣ его, какъ на судьбѣ Галилея, Кампанеллы, Ванини и другихъ представителей необычайнаго, богатырскаго поколѣнія прежнихъ «мучениковъ науки», отдаленнѣйшее потомство будетъ воспитывать въ себѣ идеальную преданность освобождающему знанію. Бруно мечталъ о такомъ долгомъ, загробномъ вліяніи, когда человѣкъ, «погибшій въ одномъ вѣкѣ, живетъ во множествѣ столѣтій» (*la morte di un secolo fa vivo in tutti gli altri*). Со своею, подчасъ изумительною отгадкой, дѣлающей его предшественникомъ великихъ философовъ XVIII и XIX вѣковъ, ставящей его на одной высотѣ со Спинозой, Бруно стоитъ на рубежѣ умирающаго Возрожденія и восходящей зари новаго времени.

Послѣ казни Бруно палачи собрали пепелъ и разсыпали его во всѣ стороны, чтобы ничего не осталось отъ такого грѣшника. Но на зло этой безцѣльной жестокости неуловимыя частицы праха «мученика за науку» разнесли во всѣ концы свѣта зародыши новыхъ благородныхъ подвиговъ человѣческой мысли.

---

¹⁾ На томъ мѣстѣ, гдѣ вѣкогда пылалъ онъ, воздвигнута въ 1889 статуя мученика, поражающая вдохновеннымъ выраженіемъ лица его; пьедесталъ украшенъ рельефами, напоминающими главные моменты жизни Бруно: его рѣчи среди многочисленной аудиторіи, судъ инквизиціи надъ нимъ, сожженіе на кострѣ. А вокругъ, на площади, особенно по утрамъ въ торжественные дни, снуютъ шумная, оживленная и безпечная толпа...

ПОСЛѢДНІЙ РЫЦАРЬ.

Эпизодъ изъ литературной и общественной исторіи Франціи XVI—XVII вѣковъ ¹⁾.

Мм. гг. Безъ малаго тридцать лѣтъ тому назадъ на такомъ же чтеніи, какъ настоящее наше собраніе, И. С. Тургеневъ представилъ своимъ слушателямъ блестящую характеристику Донъ-Кихота, и художественный образъ запоздалаго поклонника рыцарскихъ идеаловъ выступилъ въ новомъ, гуманномъ освѣщеніи. Подъ покровомъ Тургенева я рѣшаюсь занять сегодня ваше вниманіе попыткой такого же возрожденія одного изъ выдающихся дѣятелей предсмертной поры рыцарства.

Не созданное поэтомъ лицо вѣчнаго неудачника Донъ-Кихота, борющагося съ воображаемыми врагами, не сильно идеализованный въ юношеской трагедіи Гете рыцарь Гетцъ Берлихингенскій, превращенный изъ непокорнаго авантюриста въ апостола народной вольности, будетъ моимъ героемъ. Вполнѣ реальная, могучая личность, отважно спорившая съ вѣкомъ, полная огня и страсти, и все-таки погребенная подъ обломками стараго міра, явится здѣсь послѣднимъ воплощеніемъ рыцарской старины. Кто знаетъ, можетъ-быть, въ наше нервное время, способное иногда гордиться своимъ философскимъ уныніемъ и слабостью воли, полезно переноситься мыслью въ царство духовной силы и физическаго богатырства, отъ котораго вѣтъ эпическимъ величіемъ...

Едва миновала первая половина XVI вѣка; Франція уже вступила въ тотъ великій и тревожный періодъ, когда выставлены и смѣло поддержаны были насущные вопросы всего послѣдующаго человѣчества. Благороднѣйшіе идеалы Возрожденія встрѣчались въ освободительной проповѣди съ лучшими сторонами реформаціоннаго движенія; вѣротерпимость, свобода личности и общества, независимость научнаго изслѣ-

---

¹⁾ Публичная лекція, прочтенная въ Петербургѣ, въ пользу Литературнаго фонда, 29 января 1889 года.

дованія, борьба съ тираніей и исканіе разумныхъ соціальныхъ формъ соединяли лучшихъ людей обоихъ передовыхъ лагерей, и только фанатическіе вопли крайнихъ кальвинистовъ вносили дисгармонію въ это рѣдкое единство, выходявшее за предѣлы страны и становившееся международнымъ. Но въ разгоравшейся борьбѣ за существованіе силы противниковъ были неравны. Съ одной стороны стоялъ еще достаточно крѣпкій, сплотившійся въ виду опасности, государственный и церковный строй, съ другой—была горсть безстрашныхъ людей, полныхъ вѣры въ будущее, но не заручившихся поддержкою народныхъ массъ. Само-сохраненіе внушало защитникамъ стараго порядка жестока средства отмести; жизнь человѣческая ставилась ни во что. То и дѣло вспыхивали костры, истреблявшіе еретиковъ всякаго рода; спасшихся отъ гибели ждало изгнаніе. И въ этой зловѣщей обстановкѣ слышались омѣхъ Рабле, бойкіе стихи Клемана Маро, философскіе діалоги Де-Перье, и въ тиши ученой кельи восемнадцатилѣтній Ла-Бюэси писалъ отрастный памфлетъ противъ «Добровольнаго рабства людей» ¹⁾, тогда уже предвѣщая идеи XVIII вѣка! Ничто не въ силахъ было сломить мужества этихъ людей, и число ихъ возрастало.

Еще ожесточеннѣе, быть-можетъ, шло искорененіе религіознаго разномыслія. Обращенная не противъ отдѣльныхъ только лицъ, но преслѣдовавшая успѣхи протестантизма во всемъ народѣ, реакція превращалась въ гражданскую войну, озлобленную и опустошительную. Навстрѣчу поднимались негодующія и оскорбленныя массы иновѣрцевъ, не знавшія за собой никакого грѣха ни передъ Божьимъ, ни передъ свѣтскимъ правосудіемъ и желавшія для себя свободы совѣсти. Борьба изъ-за догмата превращалась въ вооруженное столкновеніе, вызвавшее чудеса храбрости и геройства у тѣхъ, кто наканунѣ еще могъ считаться самымъ вѣрнымъ подданнымъ. Соединенный натискъ королевской и духовной власти возбуждалъ и въ этомъ станѣ отпоръ политическому деспотизму; не вымершій еще съ рыцарскихъ временъ духъ независимаго дворянства, готоваго отстаивать свои вольности противъ усилившагося роялизма, встрѣчаясь съ требованіями горожанъ, которые еще въ XV столѣтіи умѣли иногда вліять на дѣла, точно будущій Tiers-Etat ²⁾, придавалъ борьбѣ значеніе политическое. Если въ ту пору Возрожденіе и реформація не разъ сливались въ одно освобождающее движеніе, и такіе люди, какъ Анри Этьенъ,

¹⁾ „De la servitude volontaire ou le contr'Un“; въ первый разъ напечатанъ послѣ смерти автора, въ 1576 году. Всѣ сочиненія этого даровитаго юности, друга Монтая, собраны были сначала Фажеромъ (Oeuvres complètes de Etienne De La Boétie, 1846), затѣмъ А. Бонифономъ, 1892.

²⁾ Особенно во время борьбы Карла VII съ англичанами.

Маро или Де-Перье оставили по себѣ славную память въ лѣтописяхъ обѣихъ школѣ, то и тѣ бойцы за права гонимаго протестантизма, которые защищали его на полѣ битвы, въ то же время являлись провозвѣстниками политическаго пробужденія массъ.

Въ разгарѣ тревожной поры, когда воздухъ былъ насыщенъ элементами борьбы и враждебности, въ одномъ изъ дальнихъ дворянскихъ замковъ Сентонжа, въ семьѣ захудавшей и гонимой за вѣрность протестантизму, родился (въ 1552 г.) Теодоръ Д'Обинье ¹⁾; горе встрѣтило его съ минуты рожденія,—мать умерла отъ мучительныхъ родовъ, и ему въ постоянное напоминаніе о томъ дали второе имя Агриппы, отъ *aegre partus*. На серьезнаго, вѣчно сдержаннаго отца его двойственный духъ вѣка наложилъ свою печать: онъ былъ поклонникомъ учености и ревностнымъ протестантомъ, книжникомъ и храбрымъ воиномъ. Онъ и сына повелъ такимъ же путемъ. Шестилѣтній Агриппа свободно читалъ на четырехъ языкахъ, черезъ годъ переводилъ Платона, а въ то же время постепенно подготовлялся къ рыцарскимъ упражненіямъ, закалявшимъ физическую ловкость и неустранимость. Тогда еще въ воспитаніе дворянства входили эти отголоски средне-вѣковой поры; молодежь состязалась на турнирахъ во славу дамъ ²⁾ и переносилась мыслью въ блаженное время рыцарей Круглаго Стола. Но бѣдствія религіозной войны внезапно разстроили домашнее воспитаніе Д'Обинье, такъ напоминавшее обстановку дѣтства барона старыхъ временъ. На склонѣ лѣтъ ему живо представлялась страшная минута изъ этой ранней поры, сразу открывшая ему глаза. Они ѣдутъ съ отцомъ черезъ Амбуазъ; на площади толпится народъ вокругъ лобнаго мѣста, на которомъ еще виднѣются отсѣченныя головы казненныхъ заговорщиковъ-протестантовъ. Забывъ, что онъ среди враговъ, что его окружаетъ нѣсколько тысячъ фанатизованныхъ католиковъ, отецъ внѣ себя отъ горести воскликнулъ во всеуслышаніе: «Они обезглавили Францію, эти палачи!» Толпа зашевелилась, зароптала; старикъ прищипорилъ коня; сынъ, изумленный неожиданною переменой въ отцѣ и страннымъ выраженіемъ его лица, едва поспѣвалъ за нимъ;

---

¹⁾ Главнѣйшіе источники для его біографіи: „Ma vie à mes enfants“ и „Histoire universelle“ самого Д'Обинье; Eugène Réaume, *Etude historique et littéraire sur Agrippa D'Aubigné*, 1883.—A. Sayous. *Etudes littéraires sur les écrivains français de la réformation*, 1841, 2-й томъ.—Haag. *La France protestante*, 1846.—Lavallée. *La famille d'Aubigné*.—Heyer. *D'Aubigné à Genève*, 1870.—Характеристики у Сент-Бѣва, *Causeries du lundi*, томъ X; въ предисловіи Charles Read къ его изданію „Les Tragiques“, 1872.—P. Morillot. *Discours sur la vie et les œuvres d'A. D'Aubigné*. 1884.—Faguet. *Le seizième siècle*. 1893.—Raoul Frary, *Mes tiroirs*, 1886.—Henke, статья о Д'Обинье въ *Historisch. Taschenbuch*. 1873.

²⁾ *Les sentiments moraux au XVI siècle par Albert Desjardins*, 1887, p. 425.